

ПРОЛОГ

*Москва, площадь Коммуны;
июль 1945 года*

Вчерашний прогноз сбился в точности: погода в этот июльский день была отвратительная. Две недели подряд голову пекло стоявшее в зените, посреди чистого голубого неба, солнце, а сегодня — здрасьте-пожалуйста — холодный северо-восточный ветер, тяжелая низкая облачность, мелкий морозящий дождь. Если бы вдобавок к этому с деревьев полетели желтые листья, горожане решили бы, что середина лета в одночасье сменилась серединой осени.

Ударивший сильный порыв едва не сорвал с головы кепку. Ухватив ее широкой ладонью единственной уцелевшей на войне руки, сорокалетний Прохор витиевато выругался и натянул ее поглубже. Затем поднял воротник пиджачка и нехотя ответил на вопрос юного напарника:

— Ты ж пойми, орясина: лоб и борта у танка знатно облеплены броней — так просто ее не взять. На то он и танк, чтоб не замечать пуль с гранатами. Зато нижний бронелист у него тон-

кий, аккурат такой же, как верх у башни, — двадцать миллиметров.

Розовощекий оголец¹ Валька с надеждой смотрел на возрастного Прохора.

Но тот огорчил:

— Не, твоей гранатке это не по зубам.

— Как же так?! Такая тяжелая дура и «не по зубам»?! — искренне негодовал мальчишка. — Там же пороху небось цельный фунт!

— Болтай — фунт! Не фунт, а сто десять граммов.

— Все равно жахнет — будь здоров! Так что же, не возьмет, говоришь? Даже если закинуть под брюхо целую связку?

— Связка может опрокинуть, но, опять же, осколками не пробьет. Противотанковая для такого дела требуется. Были у нас такие — «РПГ-41» назывались. Грозная штукавина. Фугасная, кило взрывчатки внутри. Вот та жахала! У нас же с тобой обыкновенная — противопехотная. А с обыкновенными — как повезет.

— Авось подорвем, а?

— На авось, паря, в таких делах надеяться негоже. В бою либо ты врага, либо он тебя, и больше никак. Потому надобно наверняка! Усек?..

¹ Оголец — несовершеннолетний преступник.

Валька был сметлив и понятлив. Правда, кое-какие вопросы в его голове ответов не находили. Например, почему о броне и гранатах Прохор рассказывал ему только сейчас — за несколько минут до появления броневедомобиля? Почему не обмозговать все эти заковырки заранее?

Что-то главарем банды для будущего успеха, безусловно, делалось. Почти две недели он посылал сюда огольцов для слежки за броневедомобилем. Меняя одежду и место наблюдения, те раз за разом вынюхивали график, выясняли маршрут движения. А вот в остальном главарь полагался на тот самый «авось», по которому только что язвительно прошелся Прохор.

* * *

Молодой Валька Неукладов и Прохор Панкратов прогуливались по Самотечному бульвару, разбитому между улицами Самотечная и Дурова, прямо перед площадью Коммуны. Редкие прохожие не обращали внимания на эту пару. Ну, гуляет инвалид войны с дождавшимся его сынишкой или племянником — что с того?..

Влево от бульвара уходила кривая Селезневская, вперед прямой стрелой улетала Божедомка, правее виднелся Институтский переулок. А Самотечная далеко позади упиралась в Садо-

вое кольцо. На Садовом кипела жизнь: куда-то спешили сотни пешеходов, двумя потоками в разные стороны бежал транспорт.

На самом бульваре было тихо. Странно, но зажатый между двух проезжих улиц бульварный клин не привлекал толпы людей ни до войны, ни после. Даже в самую хорошую погоду на здешних лавочках под сенью старых лип отдыхали разве что жители соседних домов. Оживленно здесь было только во время войны...

Осенью сорок первого года на площади Коммуны окопалась батарея зенитных пушек «52-К». Причем окопалась — в прямом смысле слова, превратив все вокруг в подобие строительной площадки. На бывшей площади чернели горы открытого грунта, между ними на выровненных площадках стояли зенитные орудия. Повсюду валялись пустые снарядные ящики и бревна для возведения блиндажей, на деревянных колышках качались телефонные провода.

При устройстве батареи военные пощадили только старые липы, да и те были оставлены ради маскировки. Строгие часовые не допускали на позиции горожан, заставляя их обходить запретную зону по остаткам тротуаров. Постепенно облик некогда цветущей мирной площади стал забываться. Однако не прошло и

двух месяцев со Дня Победы, как это местечко вновь обрело прежний уютный вид, заиграло на летнем солнце яркими красками. Грунт разровняли, привезли щебень, бордюрный камень, асфальт... Разбили аллеи и цветочные клумбы, заботливо высадили цветы, кустарник и новые деревья взамен погибших старых.

Уже в июне на площади появился прекрасный сквер с продолжением в виде бульвара вдоль улицы Самотечной.

* * *

Валька нервничал. В одной руке он держал холщовую сумку, другой машинально таскал из кармана каленые семечки. Его возрастной товарищ степенно вышагивал рядом. Ни во взгляде, ни в жестах, ни в походке его не было и намека на волнение. До появления бронированного автомобиля оставалось минут десять-пятнадцать. Он должен был протарахтеть своим слабеньким двигателем вдоль сквера на площади, затем повернуть к центру города.

— Ты давеча сказывал, будто сталь у броневика пожиже, чем у танка. Так ведь?

— Это я так рассудил вслух. А как оно на самом деле — знать не знаю. Нам ведь никто не дозволил разглядывать тот броневик. Издали изучали...

До сего дня парочка дважды появлялась на площади Коммуны примерно в это же время. Налегке, без холщовой сумки. Так же прогуливались, делая вид, что беспечно болтают за жизнь. Валька лузгал семечки, Прохор смолил папироски. А сами глядели на проползавший мимо броневик.

— Так что же делать, Проша? — развел руками юный корешок, смешно вывернув вперед ладони. — Я так и не понял, как нам с ним сладить.

— Смекалку прояви, — хитро прищурился бывший вояка. Потом скривился и проронил: — Хотя какая у тебя смекалка! Бивень...¹

— Чего сразу бивень-то?!

— А кто ж ты? На фронт бы тебя на полгодика — там твои мозги быстро с изнанки на лицо перевернулись бы. Окопная житуха заставила бы. Как нас в сорок первом...

Сегодняшний день для нападения на броневомобиль был выбран главарем банды Беспалым не случайно. Еще вчера в новостях по радио прозвучало предупреждение о надвигающейся на столицу непогоде. Диктор пообещал резкое понижение температуры, дождь и сильный порывистый ветер. «Подходяще! —

¹ Бивень — придурок.

довольно потирал руки Беспалый. — В такую погоду улицы опустеют. Ни легавых, ни свидетелей!..»

Он оказался прав: Валька с Прохором за четверть часа насчитали не более десятка прохожих. Сейчас вокруг не было ни души. Свинцовые облака цепляли крыши домов; дождь то слабел, то накатывал свежей волной.

— Беспалый как-то сказывал, что пощипали вас поначалу, — не унимался говорливый малый.

Дойдя до конца липовой аллеи, Прохор остановился, достал из кармана пачку «Беломора», вытряс папироску, смял гармошкой мундштук... Все это он проделал одной левой рукой — наловчился за год инвалидской жизни. Правую руку сержант потерял в сорок четвертом, и сейчас пустой рукав поношенного пиджака был заправлен в боковой карман.

Отворачиваясь от порывов ветра и капель дождя, старый вояка чиркнул спичкой, выпустил клуб дыма и нехотя процедил:

— Было, чего уж. Хлебнули мы тогда с избытком. Немец в сорок первом пер нагло, по-хозяйски. Мы все больше драпали, а когда политруки с особистами брали за горло, копали окопчики и шмаляли из винтовок по танкам.

— Из винтовок?!

— Из них, родимых. Потому как ничего другого у нас не было. Патронов и тех по пять штук на брата давали.

— И как же вы?

Проخور прокашлялся, сплюнул на асфальт:

— «Тигры» у немца появились опосля, а в сорок первом нас утюжили «Т-4». Они попроще, поменьше, да все одно страх до костей пронизывал. Ползет на тебя серая туша, не замечая колдобин, приямков, заборов и «колючки». Ощетинилась пушкой, пулеметами, и все ей ни-почем. Ничем ее, суку, не взять! Мы-то с дури и со страху гранатами точно в лоб норовили, а там самая толстая защита. Потом уж догадались — стали кидать под гусеницу.

— Ага! Значит, броневнику тоже под гусеницу нужно?! — просиял Валька.

— Под какую гусеницу, бивень? Нету их у броневика! Али не заметил, что у него колеса?

— Приметил! Как не заметить!

— Под колесо — запомни! И желательно под переднее — где мотор.

— Понял-понял, Проша! Под колесо. Сделаю.

— Я бы сам сделал, — снова закашлялся тот, — да не привык левой швырять. Завсегда правую в этом деле пользовал.

— Справлюсь! Слово даю!..

— Тихо ты! — оборвал его бывший сержант-пехотинец. — Вроде от Божedomки бормочет.

Оба замерли. Бульвар тонул в шелесте липовых крон.

— Ничего не слышу. Одни листья, — развел руками Валька.

— Эх-х, подфартило мне с помощничком, — проворчал Прохор. — Бормочет мотор-то, соберись!..

* * *

Фонд обороны Союза ССР был создан в сорок первом году по инициативе простых советских граждан. Просуществовав до победного сорок пятого года, он собрал в виде добровольных отчислений и именных взносов огромные денежные средства. В течение войны на них строились боевые корабли и подводные лодки, танковые колонны и авиационные эскадрильи, бронепоезда и артиллерийские батареи. Закупались продовольствие, обмундирование, медикаменты, боеприпасы... Всего за годы войны только жителями Москвы в Фонд было внесено более двух с половиной миллиардов рублей. Ошеломляющая по тем временам сумма!

Денежные переводы продолжали поступать в Фонд и после Победы, когда исчезла необхо-

димось в заказах нового вооружения. И тогда руководство страны приняло решение ликвидировать Фонд обороны, а оставшиеся средства перевести на специальный счет Госбанка СССР, открытый для финансирования восстановления народного хозяйства.

С конца июня сорок пятого года из здания Московского отделения Фонда ежедневно выезжал инкассаторский броневедомоцикл с несколькими опечатанными мешками наличных денег, собранных москвичами и жителями области. Только однажды в неделю броневедомоцикл отвозил деньги в отделение Госбанка, расположенные на севере столицы. Все остальные дни начальный этап маршрута его передвижения оставался неизменным: от площади Борьбы, через Божедомку и Самотечную, до Садового кольца. Далее он направлялся в то отделение Госбанка, куда было предписано доставить наличность.

* * *

На площади Коммуны, в начале Божедомки, дежурил еще один оголец по прозвищу Косой. С глазами у него был порядок. Более того, он прослыл внимательным и зорким малым, а прозвище получил из-за врожденного дефекта верхней губы.

Покуда краснощекий Валька с инвалидом Прохором вслушивались в нараставший гул мотора, Косой просигналил: «Едет!» Подельники, которых вокруг площади рассыпалось более десятка, изготовились к встрече...

Мотор тарахтел все ближе. И вот наконец с Божедомки вырулил угловатый узконосый броневедомка. От своих боевых собратьев, участвовавших в войне, он отличался отсутствием пулеметной башни. В остальном это был типичный броневедомка «БА-64». Наклонные стальные листы, выкрашенные в темно-зеленый цвет; люки, бойницы, запасное колесо на корме, закрепленный по бортам шанцевый инструмент...

Валька засуетился и, не спуская глаз с приближавшегося автомобиля, быстро сунул руку в холщовую сумку.

— Да не мельтеши ты, — пробасил Прохор. — Рано еще.

— Помню-помню, — кивнул оголец. — Кидать надо с упреждением, когда останется метров тридцать. И целить под переднее колесо, верно?

— Все так...

Они продолжали неторопливо вышагивать по аллее. От проезжей части их отделяла неширокая полоса грунта, где росли липы с низ-

ким кустарником. Броневи́к приближался, мелькая за растительностью гранеными боками.

Бывший вояка привычно разгладил усы:

— Время, Валек. Изготовься.

Тот послушно вынул гранату «РГ-42», крепко зажал ладонью рукоять и приготовился выдернуть кольцо предохранительной чеки.

— Задержка три-четыре секунды, — напомнил Прохор. Затем прищурился, оценивая оставшееся расстояние, и прохрипел: — Давай!

Малец подбежал к ближайшей липе. Спрятавшись за ее стволом, решительно выдернул кольцо, размахнулся и швырнул гранату навстречу броневикау.

Бросок вышел не шибко удачным: граната тюкнулась об асфальт короткой рукояткой и, слегка изменив направление, поскакала мимо траектории движения бронемашины.

Матюгнувшись, Прохор гаркнул:

— От неумеха окаянный! Навязался на мою шею!

Упреждение малец рассчитал неплохо, но подвело направление броска. Граната взорвалась слева от автомобиля, не нанеся повреждений ни колесам, ни моторному отсеку.

Звук взрыва эхом разнесся по площади. Где-то зазвенели лопнувшие стекла, к серым тучам взметнулась стая голубей.

Броневик вильнул в сторону от разорвавшейся гранаты; из-за резкого движения колеса потеряли сцепление с мокрым асфальтом. Прскользлив юзом метров двадцать, машина тюкнулась о бордюр и остановилась.

— Ну, хоть так, — проворчал Прохор, взводя курок револьвера. — Поспешай!..

Со всех сторон к броневику бежали подельники; каждый был вооружен пистолетом, револьвером или обрезом трехлинейной винтовки.

Внезапно из круглых бойниц один за другим высунулись два автоматных ствола, и по площади заметалось эхо частых выстрелов. Первые же очереди сразили несколько бандитов. Остальные, позабыв об атаке, кинулись прятаться от свинца за деревьями, под лавочками и за ближайшими зданиями.

Экипаж броневика состоял всего из двух человек: водителя и командира, отвечавшего за перевозку денег. Оба были вооружены пистолетами-пулеметами «ППШ»; на кронштейнах внутри машины хранился большой боезапас снаряженных дисковых магазинов.

Кто-то из напуганных горожан позвонил в милицию и сообщил о происшествии. Минут через семь-восемь на площадь Коммуны прибыли первые милицейские машины и мотоциклы.

Перестрелка к этому времени уже стихла.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Москва, 1-й Крестовский переулок, ресторан «Гранд»,
через два дня*

К пятидесяти пяти годам Сафрон Володарский оставался мужиком видным, по-своему симпатичным. Широкие плечи, стать, волевое лицо с изогнутым шрамом и тонкими усиками, которые в силу возраста приходилось подкрашивать специальной темной краской. Этакое воровское достоинство в каждом движении, в каждой сказанной фразе. Говорил он складно, правильно, и если бы иной раз не вворачивал блатные словечки, то вполне сошел бы за образованного интеллигентного человека.

Имея неплохой вкус, Сафрон хорошо одевался, любил дорогие вещички и вообще умел выгодно подать себя на воровских сходках. Бывало, молчит, слушает, как подельники горячатся, спорят... Потом остановит базар едва приметным жестом и выдаст свое заключение, обосновав его коротко и понятно.

Годы не брали Сафрона. Разве что густые волнистые волосы стали быстро сесть на висках. Но

и это не испортило его внешности, добавив шарма и пару козырей в колоду авторитета.

— Дед, там такое дело... — нависнув над ухом, встревоженно зашептал восемнадцатилетний племянник Лавр.

— Что еще? — насторожился именинник. Сегодняшний вечер в ресторане не располагал к неприятным новостям.

— Я сейчас до сортира бегал. Там, в зале, кажись, Беспалый за столиком отдыхает. В одно рыло бухало глушит.

— Беспалый? Один, говоришь?

— Ну да! Поговаривают, банду его пощелкали недалеко от Садового.

Дед Сафрон слышал о неудаче банды Беспалого, но дерзкий замысел налета на броневик ему понравился.

Пожевав губами, он поглядел на стол, на пьянеющих гостей. И приказал:

— Вот что, Лаврушка: организуй-ка по-быстрому местечко рядом со мной и пригласи его сюда. Вежливо пригласи.

— Понял. Один момент...

Ресторан «Гранд» издавна привлекал блатных разного пошиба. Крестовский переулок, посередине которого располагалось его двухэтажное здание, был тихим, не проходным. Начинался переулок у площади Рижского вокзала, где шум,

грохот и суматоха смолкали лишь к глубокой ночи. Заканчивался он у насыпи ленинградской железнодорожной ветки, по которой то и дело стучали колесами пассажирские поезда и товарные эшелоны. В случае шухера из ресторана можно было незаметно выскользнуть на улицу через любое окно или служебный вход и бесследно раствориться в ночи.

Впервые ресторан в Крестовском распахнул свои двери перед гостями в начале тридцатых и быстро завоевал славу уютного, респектабельного и передового заведения общепита. В «Гранд» стали приходили выпить кофе или сухого вина, пообедать, отдохнуть с семьей или пообщаться с друзьями. Идиллия продолжалась лет пять, после чего репутация заведения покатила вниз. Каждого посетителя, рисквавшего заглянуть в этот ресторан, уже в фойе встречали шум, грязь, неприятные запахи, мутные пьяные личности. Столы толком не убирались, в зале стоял табачный смог, обслуга грубила и безбожно обсчитывала. Нормальные клиенты перестали жаловать «Гранд», и вскорости его судьба оказалась под вопросом.

Положение спасло новое руководство в лице двух человек: директора Лазаря Лившица и ушлого администратора Иннокентия Разгуляева. Оба каким-то образом были связаны с крими-

налом, реформы в ресторане велись при его непосредственном участии.

В результате вышло следующее. Общий и самый огромный зал, высотой в два этажа, остался доступным для простого московского люда. Тут в общей сложности находилось двадцать четыре стола разной вместимости — на две, четыре, шесть и восемь персон. Кроме общего зала имелось несколько банкетных. Их под себя обустроил московский блатной народ.

В центре самого большого банкетного зала стоял стол в форме буквы «П». Зал вмещал тридцать шесть гостей и был востребован для юбилеев, свадеб, похорон и крупных сходов бандитских главарей. Следующий зал из-за отсутствия окон и за полную звукоизоляцию получил название «Шкатулка»; он вмещал шестнадцать гостей. В конце длинного коридора имелось два небольших кабинета для камерных компаний. За их столами собиралось для обсуждения важных вопросов по четыре-шесть человек.

* * *

Этим вечером Дед Сафрон отмечал в ресторане «Гранд» свой пятьдесят пятый день рождения. Для этого мероприятия он зарезервировал «Шкатулку», где уединилась компания из ближайших родственников и самых преданных

друзжков. «Шкатулка» по праву была одним из лучших залов в ресторане: двери и внутренняя отделка — из дуба под красное дерево с полировкой под лак; красивые вставки линкрустом по сукну; дубовая мебель под старину, обитая редкой шагреновой тканью. Мягкий желтоватый свет электрических светильников, выполненных под бронзовые канделябры.

Компанию обслуживали три вышколенных официанта, шустро менявших тарелки и зорко следивших за наполненностью хрустальных рюмок. На полированной этажерке в углу кабинета вращал пластинки патефон, но голосов Лещенко, Шишкиной, Северского и Плевицкой слышно не было. Напрочь прокуренный воздух сотрясали громкие голоса воров и бандитов. Перебивая друг дружку, они что-то рассказывали, вспоминали, смеялись... За ломившимся от выпивки и богатой закуски столом молчал только именинник. Он находился в родной стихии и был весьма доволен.

Уважительное прозвище Дед Сафрон Володарский получил в середине тридцатых. Ныне ему стукнуло пятьдесят пять, а впервые за решеткой он оказался еще до революции. Тогда его — юного оборванца — схватили за руку, когда он подрезал кошелек на Сухаревском рынке. Отвратительно подрезал — чего греха

таить. Неумело, грубо. За что и поплатился — был выпорот городовым и отправлен на улицу увесистым пинком под костлявый зад.

С того злополучного дня он и повел летопись своей криминальной биографии. Первый серьезный срок отмотал тоже до революции, но уже не юнцом, а рослым молодым мужчиной. Потом пошло-поехало... Выйдя на свободу в двадцать третьем, Сафрон дал зарок, что больше не сядет. К тому моменту в стране уже действовало более трех с половиной сотен лагерей НКВД, ВЧК. И условия содержания в них были в тысячу крат хуже, чем каторга при царском режиме.

Сколотив новый хоровод¹, Сафрон начал действовать с предельной осторожностью. Каждое дельце он готовил с таким тщанием, словно оно было последним в его жизни. Кто-то из корешей подтрунивал, кто-то выказывал недовольство и торопил — дескать, за упущенное время могли бы уже озолотиться. А потом порожные разговоры стихли, ибо банда Сафрона раз за разом штопала² магазины, базы, склады и даже отделения Госбанка, не неся при этом потерь.

¹ Хоровод — шайка, преступная группа.

² Штопать — грабить.

К концу двадцатых блатной люд зауважал Володарского за ум, выдержку и прозорливость. А когда тот разменял сороковник, стали почтительно называть Дедом. А фамилия Володарский из обихода авторитетов постепенно ушла.

* * *

Беспалый, мрачный и подавленный, появился в «Шкатулке» в сопровождении Лаврушки.

— Кого я вижу! Держи кардан, — протянул ладонь кто-то из людей Деда.

Шлепнув по ней на ходу, Беспалый проследовал к имениннику.

— Поздравляю, — сказал он и полез в карман пиджака. — Не знал о твоём юбилее. Вот, прими от меня...

В кабинете стало тихо. Взгляды гостей приклеились к массивному портсигару, блеснувшему золотом высшей пробы.

Именинник бережно принял необычную вещицу, осмотрел ее со всех сторон, щелкнул замком, открыл. Внутри под светлой резинкой лежал ровный ряд дорогих папирос.

— Что ж, спасибо за подарок. Присаживайся рядом, угощайся. Лавр, налей гостю...

Спустя четверть часа Беспалый с бесконечной грустью в глазах заканчивал невеселый рассказ о недавнем провале на площади Коммуны.

Говорил он тихо и только для Деда. Больше никого в свой позор посвящать не хотел.

— ...Пятеро уцелели из двенадцати. Трое легкораненых. Невредимый Косой-подворыш¹ семнадцати лет да я. Семерых из автоматов положили. Суки! Ни в жисть бы не подумал, что такая веревка² случится, — процедил он и опрокинул в рот очередную рюмку.

Наблюдая за неудачливым коллегой, Дед Сафрон лениво покуривал папироску. Портсигар поблескивал золотой крышкой на столе, рядом с тарелкой.

Беспалый был моложе Деда лет на пятнадцать. Он тоже выглядел крепышом, хотя и не таким высоким, статным и породистым, как себе-седник. Он скорее походил на усталого трудягу, отпахавшего на фабрике рабочую шестидневку.

Редкие темные волосы с длинным чубом, землистого цвета лицо, красноватые от бессонницы глаза, грубые ладони с пожелтевшими от табака пальцами. Говорил он неровно, с придыханием, беспокойный взгляд метался по столу и собутыльникам. «Работяга или выходец из дальнего села», — сказал бы про него коренной москвич. И ошибся бы на все сто, ибо прадед его —

¹ Подворыш — начинающий вор.

² Вережка — крах, неудача, арест.

Александр Кучин — был дворянином среднего достатка из подмосковного Кунцева.

Во всем помещик Кучин был необычным человеком: жил необычно и на тот свет отправился странным способом. Изнурял своих крестьян непосильной работой, наказывал за любую провинность, пощады и доброты не ведал. В голодный восемьсот тридцать четвертый год крестьяне его питались мякиной, но помещик до последнего отказывался помогать им хлебом. Более того, на отхожие промыслы или сбор милостыни никого не отпускал, а уходящих самовольно приказывал забивать до полусмерти. Кончилось тем, что крестьяне задушили его подушкой прямо в спальне. Кучин был крепкий, так что двое мужиков держали его за руки, двое навалились на ноги, а еще двое — душили...

— И сколько ты планировал взять? — спросил Сафрон.

— Наколка случилась от Ваню, будто возят ровно по полмиллиона.

— Ого! — не сдержал удивления Дед. — Я давно знаю Ваню — он пасти вола¹ не станет.

— Твоя правда — Ваню ни разу не подводил.

— Постой, выходит, и он остался на площади Коммуны?

¹ Пасти вола — обманывать.

— И его завалили.

— Жаль. Еще одного академика¹ потеряли. — Сафрон подвинул гостю тарелку с закуской: — Ты давай ешь, не стесняйся. Тут все свои.

Беспалый нехотя наколол на вилку маринованный груздь и кольцо лука. Закинул в рот, медленно, с хрустом прожевал...

Ни крепкий алкоголь, ни общество надежных людей не могли вернуть ему хорошего настроения. Провал важного дела, потеря большей части банды подорвали веру в удачу. А заодно и в самого себя.

Барабаня пальцами по столешнице, Дед Сафрон погрузился в нелегкие думы...

Что он мог сделать? Никакие слова сейчас Беспалому не помогут. Влить остатки его банды в свою, а самого его назначить гончим²? Это не устроит ни того, ни другого. Беспалый привык быть первым. А у Деда уже есть неплохой помощник в лице племянша Лаврушки. Пока Лавр неопытен и молод, но через годик-другой возмужает, окрепнет телом и духом и станет незаменимым.

— Ладно, бобик сдох³. Не в каждом деле фарт у нас в попутчиках, — прервал молчание Дед. — Фа-

¹ Академик — уголовник с большим опытом, авторитет.

² Гончий — помощник, приближенный главаря.

³ Бобик сдох — «все прошло», «больше к этому не возвращаемся».

раоново племя нас давит, устраивает засады, обкладывает, как волков. Но мы и не такое видали. Надобно подумать, как пополнить твою конюшню¹.

Всякий на месте Беспалого воспрянул бы духом, оживился, ведь помощь предлагал не абы кто — не банщик² и не фраер, а уважаемый в московском криминальном мире авторитет. Только веселости во взгляде молодого главара не прибавилось. Закинув назад свой длинный чуб, он криво усмехнулся:

— Не получится, Дед.

— Отчего же? — подивился тот.

— За доброту прими мою сердечную благодарность в виде еще одной наколки от Ваню.

— Что за наколка? И почему не получится пополнить конюшню?

— Сейчас все поймешь. — Беспалый наполнил их рюмки водкой. — За пару дней до налета на броневик прикончил Ваню баян сулейки³ в компании со швейцаром⁴ из военкомата. Тот по пьяной лавочке сболтнул лишнее, будто пришел к ним секретный приказ из главной богадельни...⁵

¹ Конюшня — банда, группировка.

² Банщик — вокзальный вор.

³ Баян сулейки — литр водки.

⁴ Швейцар — армейский офицер.

⁵ Главная богадельня — Народный комиссариат внутренних дел СССР.

Услышав такое вступление, Дед Сафрон насторожился, придвинулся ближе:

— Из главной богадельни, говоришь? Так. И что же?

— В приказе сказано, что военкоматы всех мастей должны прошерстить личные дела демобилизованных вояк и выявить тех, кто был осужден по перечню прилагаемых к приказу статей.

— До войны осужден? — не понял Дед.

— С довоенной поры и поныне.

— И что же с ними легавые намерены сделать? Опять, что ли, на нары?

— Кого на нары, кого под строгий учет. Так, чтоб каждый день представлять пред ясны очи участкового и супротив своей фамилии ставить крестик.

Поковыряв спичкой меж зубов, юбиляр задумчиво проговорил:

— Стало быть, скоро пойдут повальные аресты. В том числе и среди наших корешей, носивших военную форму...

Будь Беспалый чуть внимательнее и прозорливее, непременно понял бы, что Сафрона это известие сильно расстроило. Он серьезно озаботился судьбой какого-то близко знакомого и очень нужного человека.

Но молодой главарь по-прежнему горевал, был погружен в себя и ничего такого не заметил.

— Вот и я о том же, — поднял он рюмку. — Так что о пополнении конюшни базарить рано. Убереечь бы тех, кто остался...

* * *

К полуночи веселье в банкетном зале поутихло. Патефон смолк. Несколько родственников Сафрона попрощались и ушли. Остались только кореша. Трое развалились в креслах у курительного столика. Едва ворочая языками, они что-то втолковывали друг другу. Двое спали: один на диванчике, другой за столом, придулив голову между пустых тарелок. Вездесущие официанты уносили грязную посуду.

Главари по-прежнему сидели рядом, допивая водку и дымя папиросами.

— ...А может, новые бирки?¹ У меня есть один хороший маклер².

— Нет, пару годных маклеров и я знаю, — решительно мотнул седой головой Дед Сафрон. — Но рисование новых бирок не спасет. Да и каждому не нарисуешь. Тут надобно поступить по-другому. Хитрее, азартнее, напористей!

¹ Бирка — паспорт, удостоверение личности.

² Маклер — изготовитель фальшивых документов.

— Это как же? — посмотрел на него осоло-
вевшими глазами Беспалый.

— Недурно было бы захватить личные дела
этих вояк. Как думаешь?

— Захватить?! — обалдел от неожиданности
молодой главарь. — Как это — захватить?!

— Ты сказал, что во всех военкоматах шер-
стят личные дела демобилизованных, так?

— Ну да, сказывал.

— Значит, сначала шерстят и отбирают тех,
кто ходил под статьей. После все отобранные
дела отправляют туда, где с ними работают ле-
гавые. Копают, вынюхивают... Так?

— Должно быть, так, — согласился Беспалый.

— Значит, надобно прозвать, куда они
свозят документы блатных корешей, а потом
обмусолить, что да как. Если все выгорит, мы
разом убьем двух косых: обезопасим себя и по-
полним ряды новыми людьми.

— А не покоцают нас? Я слышал, будто ам-
нистию обещали. Может, подождать?

— Странный ты, ей-богу, — засмеялся
Дед. — На броневик с автоматчиками полез, а
плеваю полувоенную контору стороной обхо-
дишь. Там же васьки¹ в основном работают!

— Чего же обходить-то?.. Согласный я.

¹ Васек — простодушный, доверчивый человек.

— Вот и законно. Прежде чем туда соваться, мы все обстряпаем, Беспалый, — приобнял Дед Сафрон молодого коллегу. — Не дрейфы! Знаешь, когда я похоронил последнего близкого корешка? — Беспалый пожал плечами. — Ты не поверишь, это случилось три с половиной года назад. Зимой сорок второго. И по очень простой причине — он слишком любил выпить, и однажды утром его сердце не выдержало. Все остальные живы, они здесь, в «Шкатулке».

Взвесив все «за» и «против», Беспалый опустил очередную рюмку и пожал Сафрону руку:

— Готов пособить, раз такое дело.

— Завтра вернемся к этому вопросу, перетрем на трезвую голову. А сейчас пора по хатам — поздно уже...